

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЗНАНИЕВОЙ ПАРАДИГМЫ

Знание и познание

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ: ЗНАНИЕ VS ИНФОРМАЦИЯ

А.О. КАРПОВ

*Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия*

Аннотация

Научные знания играют определяющую роль в социально-экономических преобразованиях современного общества. В свою очередь понятия «знание» и «информация» являются ключевыми категориями, посредством которых происходит осмысление сложных процессов, трансформирующих социальные системы. Отделение понятия «знание» от понятия «информация», является сегодня необходимым условием для аутентичности исследования социального развития. В статье рассматривается проблема разделения понятий «знание» и «информация» в контексте становления общества знаний. На основе анализа работ Ф. Знаниецкого, П. Друкера, Ф. Махлупа, Т. Умесао, М. Пората, Ё. Масуда, ряда других авторов, а также социальной реальности второй половины XX века, определены социально-исторические причины смешения понятий «знание» и «информация». Показана связь смешения этих понятий со становлением концепций общества знаний и информационного общества. Сформулирован методологический подход к разделению понятий «знание» и «информация» как разных психосоциальных конструкторов. Приведены примеры и обсуждены негативные последствия смешения понятий «знание» и «информация».

Ключевые слова: знание, информация, общество, наука, образование, мышление, технология, индустрия, работник, труд, компьютеризация, экономика, знак, эпистемология.

Карпов Александр Олегович – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, начальник отдела Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана; начальник отдела Государственного центра «Интерфизика», Москва.

a.o.karpov@gmail.com

Цитирование: *КАРПОВ А.О.* (2017) Общество знаний: знание vs информация // *Философские науки.* 2017. № 12. С. 19–36.

Введение

Концепция общества знаний определяет одну из доминантных систем социальной жизни, формирующих ее движение – как в настоящем, так и в ближайшем будущем [Карпов 2015а, 440]. Эта система организует общество в целях научного производства знаний, которые воплощаются в его социальной структуре, трансформируя само общество. В этой системе «наука все более становится единственным источником дополнительного знания», а знание позиционируется как новый осевой принцип общества [Stehr 1994, 103, 91, 92].

Поскольку именно научные знания играют определяющую роль в социально-экономическом развитии современного общества, отделение понятия «знание» от других феноменов, выражающихся посредством знака, и в первую очередь от понятия «информация», является необходимым условием для аутентичности его исследования.

В специализированном дискурсе сосуществует противоречивый набор представлений, соотносящих знание с информацией. Так, например, М. Порат принимает знание за определенный тип информации [Porat 1978, 79]. Знание как высшую форму информации определяет «Примерная программа дисциплины “Информатика”», утвержденная Минобразования России (2000) [Примерная программа... 2000]. В то же время есть и обратные утверждения. В докладе Юнеско «К обществам знания» говорится, что «информация остается формой знания» [Towards... 2005, 19]. Ф. Махлуп полагает, что «любая информация в обычном значении этого слова есть знание, хотя не всякое знание может быть названо информацией» [Machlup 1972, 15]. Г. Бехманн фактически ставит знак равенства между информационным обществом и обществом знаний. Он пишет, что «общество характеризуется как информационное, если его основные условия воспроизводства зависят от научного знания» [Бехманн 2010, 49].

В статье будут определены социально-исторические причины смешения понятий «знание» и «информация» в контексте формирования теорий общества знаний и информационного общества, сформулирован методологический подход к их разделению, показаны последствия смешения этих понятий.

Происхождение теорий и реальности общества знаний и информационного общества

Как я показал [Карпов 2015, 814, 815], отправной точкой для анализа общества знаний является десятилетие 1940-х годов, а совокупность трудов, весьма полно идентифицирующих общество знаний была создана уже к 1968 г., т.е. ко времени, когда теория информационного общества и его реальность *только начинали* заявлять о себе.

Теоретическая разработка идеи нового индустриализма, приводящая, в конечном счете, к концепции общества знаний, начинается в начале 1940-х годов. Ф. Знанецкий (1940) подводит итог великой эпохи человека знаний и фиксирует тот рубеж, на котором начинают проявлять себя социально-экономические процессы, формирующие работника знаний [Znanieski 1986]. П. Друкер в своей исследовательской программе (1940–1968) разрабатывает основные положения теории общества знаний. Он вводит в научный оборот систему базовых понятий, составляющих ядро парадигмы общества знаний, среди них – «знаниевая работа/труд» (knowledge work/job, 1957), «работник знаний» (knowledge worker, 1962), «общество знаний» (knowledge society, 1968), «экономика знаний» (knowledge economy, 1968). Ф. Махлуп в работе, изданной в 1962 г., вводит понятие «индустрия знаний» (knowledge industry) и исследует ее [Machlup 1972].

Следует объяснить, почему я датирую исследовательскую программу Друкера периодом с 1940-го по 1968-й гг. Нередко в качестве значимого рубежа в развитии теории общества знаний указывают книгу Друкера «Посткапиталистическое общество», которая выходит в 1993 г. Между тем за вычетом многочисленных историко-беллетристических экскурсов она по существу не выходит за пределы того, что было сказано Друкером об обществе знаний до 1968 г., и в большей степени является лишь еще одним подтверждением этой концепции. Друкер сам говорит, что книга «базируется на работе, сделанной более чем сорок лет назад» [Drucker 1993, 6–8].

Друкер пишет, что с периода Второй мировой войны «фактически начался переход (сдвиг, shift) к работе знаний и индустрии знаний», затронувший такие области деятельности, как обработку металлов, судостроение, строительство, управление, медицину, etc. [Drucker 1969, 252]. Событиями, оказавшими решающее влияние на появление работника знаний, стали «солдатский билль о

правах» (G.I. Bill of Rights) и возникновение венчурных фирм в Америке, которые создали новую экономическую реальность для человека знаний.

Друкер отличает работника знаний от работника умственного труда. Например, он использует термин «mind work», когда говорит об умственной работе, а не «knowledge work», характеризующий труд работника знаний. Работник знаний создал современное сельскохозяйственное производство, которое стало наукоемкой отраслью (science industry). Оттуда он вытеснил рабочую силу в промышленность, сферу услуг, информационный и знаниевый сектора экономики. Работники знаний — это инженеры, компьютерные эксперты, учителя, медицинские техники, высококвалифицированные сельскохозяйственные рабочие, авиационные техники, etc. Таким образом, работник знаний, по Друкеру, отнюдь не работник умственного труда. Ведь «знание не устраняет ни работы, ни навыка» [Drucker 1969, 24, 15, 11, 236, 251–255].

Следуя смыслу, заложенному в понятие «работник знаний» П. Друкером, и реальности современного общества, я полагаю, что работнику знаний присуща как умственная, так и смешанная (умственно-физическая) формы труда. В основе моего определения понятия «работник знаний» лежит качественный критерий формы его труда, а именно функционально-доминирующая роль работы *мышления* со знанием в процессе труда, а не отсутствие физического труда, техническая вовлеченность в процесс трансляции знака или уровень формального образования. Работник знаний может производить как материальную, так и нематериальную продукцию, но основой ее производства является работа со знаниями.

Несущие социальные структуры общества знаний начинают формироваться в ближайший послевоенный период; в их числе — новая система разделения труда, пришедшая вместе с работником знаний, а также то, что Друкер фиксирует уже в 1957 г. — инновационная система, включающая науку, плюралистическое общество организаций и общество, в основу развития которого положено образование [Drucker 1996, 11, 114, 129].

Общий рост *знакового* производства (печатная продукция, телевидение, кинематограф, радиовещание) и его новая социальная роль в качестве информационного сектора экономики становятся заметны лишь в начале 1960-х гг. В этот период в Японии появляются первые теоретические разработки в области информационного общества, что значительно позже создания базисных понятий

теории общества знаний. Термин «информационная индустрия» принадлежит Т. Умесао (1963), а термин «информационное общество» – М. Игараши (1964) [Карпов 2015, 819]. С ноября 1964 по июль 1966 гг. журнал «Хосо Асахи» выпускает серию статей на тему информационного общества. В 1968 г. в качестве популярного издания выходят книги Е. Масуда и К. Кохияма «Введение в теорию информационного общества»; а в 1969-м опубликован бестселлер Ю. Хаяси «Информационное общество: от жестокого к гибкому обществу», общий тираж которого составил не менее ста тысяч экземпляров [Karvalics 2010, 14]. Первое появление термина «информационное общество» на английском языке зафиксировано лишь в 1970 г. [Duff 2013, 4, 6], т.е. после выхода основополагающих работ П. Друкера и Ф. Махлупа.

Технико-технологический базис информационного общества, как предполагалось в первых публикациях, должны составить компьютерные системы. К 1966 г. в мире было произведено только около 30 тысяч компьютеров, большей частью ламповых и транзисторных. Компьютер 3-го поколения, использующий интегральные схемы, появился лишь в 1965 г. [Masuda 1983, 42–44]. На рубеже 1970-х гг. компьютеры только *начинают* оказывать заметный экономический эффект. Компания IBM производит около тысячи компьютеров в месяц. Однако технических средств и знаний для построения эффективной информационной системы еще нет [Drucker 1969, 22, 23].

Как отмечает Е. Масуда, процесс формирования общества, основанного на компьютеризации (society-based computerization), начинается только в 1970-х гг. В этот период компьютер соединяется с коммуникационными схемами в компаниях и на регионально-национальном уровне. К 1972 г. создается американская национальная информационная сеть. Однако еще в 1980-х гг. информационная промышленность находится в стадии формирования [Masuda 1983, 38, 41–44].

В 1975 г. М. Порат пишет, что индустриальное общество *становится* информационным – экспорт компьютеров из США превышает 2,2 млрд долл. Вместе с тем *появление* информационного общества оценивается Поратом как фактор роста производства знаний [Porat 1978, 75–78], т.е. *развитие* общества знаний. В том же духе делает в 1980 г. свой прогноз Масуда. Он предполагает, что на более продвинутой стадии информационного общества, ориентировочно к концу первого десятилетия XXI в., следует ожидать

появления общества массового производства знаний (high mass knowledge creation society) [Masuda 1983, 44], т.е. высокоразвитого общества знаний.

Таким образом, следует заключить, что теория общества знаний и его реальность имеет более чем полувековую историю развития, тогда как информационное общество в его технико-технологическом исполнении проявляет себя лишь на исходе XX века.

1962-й год: смещение понятий «знание» и «информация»

1962-м годом можно датировать начало смещения в социально-философском дискурсе понятий «знание» и «информация» применительно к теориям нового общества. В этом же году выходит пионерская работа Ф. Махлупа «Производство и распространение знаний в США», главная задача которой есть «развитие концептуальной основы для анализа производства знаний» [Machlup 1972, 10]. По сведениям, которые позднее приводит Махлуп, основная часть его исследовательской работы была начата в середине 1950-х гг. [Machlup 2014, 15-18]. Т. Умесао отмечает, что работу «Теория информационной индустрии – рассвет грядущей эпохи эктодермальной индустрии» он пишет поздней осенью 1962 г. и публикует в январском номере «Хосе Асахи» (1963) [Умесао 1991а, 24]. Как полагает А. Дафф, «вполне возможно, что Умесао находился под влиянием работы Махлупа» [Duff 2013, 5]. Однако в содержании понятия «индустрия знаний», которое было введено Махлупом, есть по крайней мере одно принципиальное отличие от того, что понимал под информационной индустрией Умесао. Это отличие – экономически производящая роль знания, причем не с точки зрения производства знака, а как самостоятельная индустриальная сила, непосредственно участвующая в создании материального продукта.

Ф. Махлуп настаивает на необходимости применять для характеристики нового социального состояния термин «знание», а не «информация»; он предпочитает «использовать, когда это возможно, слово знание» для обычного значения термина «информация». И этой позиции он будет следовать вплоть до последнего в своей жизни многотомного труда: «Знания: их создание, распространение и экономическое значение» (1981–1984). Слово «информация» Махлуп использует лишь во вспомогательном значении. Например, он обозначает словосочетанием «производство информации» (pro-

duction of information) создание отчетов, сообщений, инструкций, распоряжений, а специализированные структуры коммерческих фирм характеризуют как информационно-производящие подразделения (information-producing departments) [Machlup 1972, 7, 8, 14, 40, 41].

Т. Умесао, напротив, словом «информация» обозначает «все то, что передается с помощью символов»; он использует широкое понимание слова «информация» как «всю систему знаков, которые передаются от человека к человеку». Информационная индустрия по Умесао – это «отрасль промышленности, организованно предлагающая какую-либо информацию». Сюда входят радиовещание, кинематограф, газеты, журналы, справочные агентства, театральные постановки и балаганы, туристические бюро, букмекерские конторы, промышленный шпионаж, etc. Умесао видит современную (послевоенную) эпоху как эпоху роста СМИ и в этом смысле называет ее эпохой информационной индустрии [Умесао 1991б, 25–27].

Образование и религию Умесао определяет в качестве предшественниц информационной индустрии, которые занимались профессиональной продажей информации и которые сегодня в этом качестве составляют ее часть. Общая профессиональная характеристика деятелей информационной индустрии – «мастера обращения с символами», «специалисты символьной технологии». Информационная индустрия – это индустрия нематериальных вещей, «это мнимая индустрия, к реальному сектору она не относится. И вообще, она просто не может быть промышленностью» [Умесао 1991б, 27, 32, 33].

Технология в концепции Умесао играет решающую роль в развитии информационных отраслей. Он говорит, что «информационная индустрия наконец-то встала на рельсы «индустриализации», причем «в первую очередь с помощью печати, радиоволн и так далее». Однако в крайне незрелой стадии находится технология обработки информации с помощью автоматических счетных машин, которая даст ей «удивительное развитие». Именно развитие электроники и теории автоматических систем создаст технологическую базу информационной индустрии, утверждает он [Умесао 1991б, 28, 36].

Работы Ф. Махлупа и Т. Умесао – это два исторически центральных нарратива, находящиеся у истоков теорий общества знаний и информационного общества. Они имеют в предмете своего

анализа весьма значительную *общую* часть социальных институтов: образование, наука, компьютерный сектор. Однако продукт деятельности этих социальных институтов обозначается в них по-разному, терминами «знание» и «информация». Причина в том, что первый нарратив говорит о системах производства знаний, тогда как второй — о системах трансляции знака. Концепцию Махлупа следует отнести к парадигме общества знаний не потому, что он использует термин «знание» вместо слова «информация», где это возможно, но и потому, что его социально-экономическая модель ставит во главу угла производящую функцию знания, связывая ее с «увеличением производительности и тем самым с темпом экономического роста» [Machlup 1972, 8, 14, 10]. Информация как агент системы трансляции знака, как просто-сообщение, конечно, такой функцией не обладает.

Умесао невольно подсказывает критерий, отделяющий информацию как таковую от других знаковых систем. Он говорит, что информация с точки зрения ценности существует, «пока ее не услышишь, а услышав единожды, на этом конец» [Умесао 1991б, 39]. Очевидно, что эта характеристика определяет знаковые системы новостного типа (сообщения). Она не свойственна шедеврам литературы, театральным сюжетам и постановкам, художественным и познавательным фильмам, живописи, научным монографиям, учебникам, etc. К этим собраниям знаков человек неоднократно обращается в течение всей жизни.

Сегодня, во втором десятилетии XXI в., уже можно сказать, что индустрия знаний, в отличие от информационной индустрии (индустрии сообщений) «генетически» включена в производство вещей. Она не столько стала частью промышленности, сколько, наоборот, включила промышленность в себя. Она далеко не «мнимая индустрия», как характеризовал информационную индустрию Умесао; она является фундаментальной основой реального сектора экономики. Работник знаний — это человек, создающий из знания и вещества все большую часть объектов современного мира, материализующий знания в технологиях, способах организации производства, социальном устройстве. Он принципиально отличается от многочисленных информационных работников, играющих роль транслятора чужого мнения.

Методологический подход к разделению понятий «знание» и «информация»

Означивание понятия «информация» как гетерогенного набора знаковых систем стало следствием переноса в социально-

гуманитарную область технического понимания информации. Техническое преобразование сообщений не зависит от содержания; поэтому прикладная теория представляет информацию как абстрактный набор сигналов и знаков. Подобный подход не редкость в теориях информационного общества, которые между тем пытаются выяснить *содержание* культурных, социальных, экономических значений информации. В таких теориях все, что выражено в знаке, считается информацией. Между тем роли разных знаковых систем в жизни человека и его коллективов могут быть *существенно* различны.

Определение знания через знак вызывает трудности при анализе знания как производящей силы современного общества, поскольку знак, взятый сам по себе, произвести ничего не может. От Махлупа идет традиция измерять рост знания через рост производства знака. Весьма часто гетерогенные популяции знаковых форм необоснованно идентифицируются как знание или информация. Компьютеризация же является панацеей, позволяющей, по мнению Масуда, каждому человеку создавать знание [Masuda 1983, 33].

Моя позиция такова: знание — это не информация и не может быть выведено в своем определении из нее, а информация — это не знание и стать им она не способна (хотя информация может *участвовать* в создании знания). Знание и информация не являются специфическим видом друг друга. Знание и информация *выражаются* в знаке, но это не значит, что они есть знак и тем более, что они есть одно.

Общая форма отнюдь не свидетельствует о тождественности воплощенного. В одной и той же форме представляют себя вещи разные: в текучей — песок и вода, в сферической — голова и пустой сосуд, в продолговатой — фаллос и карандаш, в эфирной — удары бури и вздох возлюбленной. В форме знака выражены романы, политические акты, технические конструкции, рекомендации модницам. Однако они присутствуют и вне знака. Информация говорит о них, знание дает им существование. Но это не значит, что они есть знание или информация. Они суть феномены, имеющие самостоятельное бытие.

Вместе с тем у информации и знания помимо знака есть нечто общее, благодаря которому они вступают в бытие. Это — биота, рождающая и хранящая в себе знание и воспринимающая информацию. Иначе говоря, информация и знание наличествуют только

тогда, когда существует биота как непереносимое условие и место их бытия. Одноклеточный организм уже есть гарант их присутствия. Заметим, что библиотека — это не хранилище знаний (научные тексты) или информации (периодика), но их символических представлений, «оживающих» в мыслящей биоте. В отсутствие места, способного вмещать знание как таковое и воспринимать информацию, они теряют свое существование.

Информация — это выражение воздействия внешнего на внутреннее. В информацию «превращается» лопнувшая струна, боль в сердце, удушливый воздух и слезы прощания. Информация включена в восприятие воздействия так, что она *свидетельствует* о нем. Знание — это выражение воздействия внутреннего на внешнее. Знание создает музыкальное произведение и спасающее жизнь лекарство; оно губит окружающую среду и производит орудия убийства. Знание включено в формирование воздействия так, что оно лежит в его основе и определяет его. В отношении к месту бытия у знания и информации нет ничего общего. Но вместе с тем их существование предполагает друг друга. Информация запускает процесс роста знания, а знание лежит в основе восприятия информации.

Знание — это не вещь, которую можно передать из рук в руки. Знание растет из психического внутреннего и как психически внутреннее. Это внутреннее есть также знание, но более всего — мышление, выращивающее и его, и себя. То, что знание есть вещь, созданная внутренним и живущая только в нем, совсем не учитывают теории, представляющие обучение как коммуникативный процесс по его передаче. Знание не есть сообщение, которое всегда внешнее. Знание — это *внутреннее про-из-ведение субъекта*. Платон, например, называл происходящее «припоминанием».

«Передача знаний» — так мы говорим, но так не происходит. Знание человек *образует* в себе — рождает и выращивает внутри себя; хотя этот процесс может быть опосредован знаковой формой, в которой отображается содержание знаний. Процесс *образования* человеком знания лежит в основе понимания феномена «образование», которое образует тем самым самого человека, т.е. создает его посредством знания, которое он выращивает в себе.

Именно поэтому обучение не является трансляцией знаний (впрочем, как и культура), а образование не может выступать в качестве товара и услуги, т.е. становится предметом обмена [Карпов 2014, 438–440]. Политика коммодификации (товаризации) образо-

вания и науки, разрушающая современное общество, имеет свой главный исток в обыденном, научно неоснащенном мышлении, которое наивно отделяет знание от мышления и его субъекта.

Выражение «работа со знанием» и производные от него следует понимать в двойном смысле: как действие мышления на собственное знание либо на внешние формы выражения знания — его медиаторы. Работника знаний прежде всего отличает второе [Карпов 2015, 814, 815].

Древняя традиция атомистов, Платона и элеатов противопоставлять знание мнению сегодня обретает особую актуальность. Мышление, опирающееся на научные знания, создает горизонт развития современного общества. Мышление, опирающееся лишь на сведения, порождает его симулякры. С этой позиции становится очевиден механистический характер теории информационного общества и проявляется социально-императивное значение теории общества знаний. В теории общества знаний понятие «знание» прежде всего подразумевает *научное* знание, а не продукт практической теории или теоретическое знание [Карпов 2015, 815, 816].

Научное знание есть знание, полученное в результате деятельности науки, которое кодифицируется в научных источниках, циркулирует в научных коллективах и входит в содержание научного образования. Наиболее известные свойства того, чем не обладает информация, но обладает знание, есть его деятельностный характер и способность порождать новое знание. Именно это определяет анализ общества как общества знаний.

Профанации и негативные последствия в образовании

П. Друкер утверждал, что знание есть «систематическая, целенаправленная, организованная информация» или «систематическая организация информации и понятий» [Drucker 1969, 36, 251]. Очевидно, что большая часть просто-сообщений попадает под такое определение. Судя по всему, представления Друкера оказали влияние на понимание в образовании и менеджменте того, что есть знание. Так, например, в книге «Управление знаниями», предназначенной для слушателей программ MBA (Master of Business Administration), находим: «Знания, как правило, содержат общие сведения относительно структур, процессов и явлений... Знания играют роль структур, обеспечивающих организацию данных. Так, сведения о персонале организации — всего лишь данные. Но модель представления сведений о каждом работнике, которая включает в себя его идентификационный

номер, данные паспорта, данные об организации, карьерный рост в организации и пр., – это определенные знания» [Гапоненко, Орлова 2008, 185]. Здесь, фактически, в русле позиции Друкера знание определяется как форма организации информации. И для того, чтобы такое определение было обоснованным, используется слово «модель», отсылающая к научным аспектам знания. Оказывается, для того чтобы информация стала знанием, нужна всего лишь таблица?!

Смешение понятий «знание» и «информация» в образовании формирует острое психосоциальное противоречие. Это – противоречие между внутренним (осмысленным) и внешним (поверхностным) пониманием, между самостоятельным и социально программируемым мышлением.

Друкер в ряде мест смешивает понятия «знание» и «информация». Пытаясь подчеркнуть деятельностный характер знания, он говорит, что содержание книги – «это только “информация”, если не просто “данные”. Только тогда, когда человек применяет информацию, делая что-то, она становится знанием». Вместе с тем он неоднократно пишет о применении в работе именно знаний [Drucker 1969, 36, 251, 300]. При анализе процессов обучения Друкер определяет в качестве информации арифметику, историю, язык, музыкальную грамоту [Drucker 1969, 319, 320]. Порат относит учителей к информационным работникам (категория «распространители знания»), ставя их в один ряд с канцелярскими работниками, бухгалтерами и телефонными операторами [Porat 1978, 71, 73]. Сегодня мы видим, как смешение понятий «информация» и «знание» делает легитимными изменения в жизни людей, экономике и социальной структуре по воле чиновника или на основе ангажированного экспертного мнения, а не научного исследования проблемной ситуации [Карпов 2013, 34–36].

В образовании знание, определяемое как информация, обретает статус временного приобретения, которое отнюдь не является необходимым для жизни и работы. Когда в школе литература и история становятся только информацией, исключаются духовные основы обучения, чувства гражданства и причастности к своему народу и стране. Информация учебного типа (в том числе информация от «обучающего» Интернета) в отличие от знания подвержена быстрому распаду, поскольку психически не интегрирована деятельностью мышления. Тогда действие, поскольку оно всегда обусловлено знанием, его функционально оформляющим, становится невозможным. Такое «знание» элиминирует возможность

не только работника знаний, но и общества знаний как такового; а образование воспитывает даже не дилетантов, а неумех [Карпов 2010, 372].

Значительная часть секторов образования сегодня ориентируется на рецептурное знание, которое требует не мышления, а запоминания, и опирается на представления технологического и организационного, но не научного характера. Рецептурное знание имеет склонность к превращению в информацию, адекватность которой индивид не в состоянии проверить. Так, по данным соцопросов, 26% американцев и европейцев и 32% россиян убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли [Четверть американцев... 2002; Europeans 2002, 19; «Солнце...» 2011].

Научное знание и познание сегодня оказывается прерогативой особого образовательного локуса, который формирует исследовательское образование [Карпов 2015b, 453, 454]. В современном понимании такое образование является единственно научным, поскольку оно использует способы познания, свойственные научному поиску.

Определение знания только как экономически ценной информации превращает знание из научного в конъюнктурное, т.е. такое знание, которое устремлено прежде всего к внешнему стимулу, а не к истине. Для процессов производства знаний решающим становится контекст использования, а не контекст открытия и обоснования в научном обществе [Bachmann... 2009, 12]. Неконтролируемая коммерциализация науки вызывает размывание фундаментальной специализации университетов и ее структурный дисбаланс на национальном уровне, поскольку способствует гипертрофированному развитию тех направлений исследований, которые сулят быстрое вознаграждение. Тем самым исключается создание фундаментальных знаний в научных областях, которые могут стать инновационно перспективными. И более того, это ведет к разрушению источников инноваций в выбранных приоритетных направлениях, поскольку современные проблемы, решаемые наукой, имеют ярко выраженный междисциплинарный характер.

Заключение

Разделение понятий «знание» и «информация» в социально-гуманитарном, административном и политическом дискурсах является принципиальным условием аутентичности социального

действия. Информация, которую поставляют средства массовой коммуникации, дает поверхностное и нерелевантное понимание сложных процессов в современном обществе. Она социально программирует мышление, уводя его от научных способов познания истины. Именно научные знания и познание, а не домыслы, толки, мнения и поверхностные суждения, составляющие неотъемлемую часть понятия «информация», позволяют надеяться, что развитие общества знаний будет нарастать.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бехманн 2010 – *Бехманн Г.* Общество знания – трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. – М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 39–65.

Гапоненко, Орлова 2008 – *Гапоненко А.Л., Орлова Т.М.* Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. – М.: Эксмо, 2008.

Карпов 2013 – *Карпов А.О.* Онтологизация, «онтологизация» и образование // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 31–42.

Карпов 2014 – *Карпов А.О.* «Товаризация» образования против общества знаний // Вестник Российской академии наук. 2014, Т. 84. № 5. С. 434–440.

Карпов 2015 – *Карпов А.О.* Основные теоретические понятия общества знаний // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 9. С. 812–820.

Примерная программа... 2000 – Примерная программа дисциплины «Информатика» // Министерство образования Российской Федерации. – М., 2000. – URL: www.edu.ru/db/portal/progs/mf.02/01.html

«Солнце...», 2011 – «Солнце – спутник Земли», или Рейтинг научных заблуждений россиян // Пресс-выпуск № 1684. – М.: ВЦИОМ, 2011.

Умесао 1991а – *Умесао Т.* Комментарий к работе «Теория информационной индустрии – рассвет грядущей эпохи эктодермальной индустрии» // Информация и цивилизация. Собрание сочинений Умесао Тадао. Т. 14. – Токио: Тюо Коронся, 1991. С. 24 (梅棹忠夫 「情報産業論 – きたるべき外胚葉産業時代の夜明け」: 解釈『情報と文明』梅棹忠夫著作集、東京、中央公論社、一九九一年。第14巻、24頁)。

Умесао 1991б – *Умесао Т.* Теория информационной индустрии – рассвет грядущей эпохи эктодермальной индустрии // Информация и цивилизация. Собрание сочинений Умесао Тадао. Том 14. Токио: Тюо Коронся, 1991. С. 25–42 (梅棹忠夫 「情報産業論 – きたるべき外胚葉産業時代の夜明け」『情報と文明』梅棹忠夫著作集、東京、中央公論社、一九九一年。第14巻、25–42ページ)。

Четверть американцев... 2002 – Четверть американцев не знают о том, что Земля вращается вокруг Солнца // РБК. – URL: <http://www.rbc.ru/society/16/02/2014/5704178c9a794761c0себа04>

Bechmann... 2009 – *Bechmann G., Gorokhov V., Stehr N.* Introduction // The Social Integration of Science: Institutional and Epistemological Aspects of the Transformation of Knowledge in Modern Society. Berlin: Edition Sigma, 2009.

Drucker 1969 – *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society. – L.: Heinemann, 1969.

Drucker 1993 – *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. – N. Y.: Harper Business, 1993.

Drucker 1996 – *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. A Report on the New «Post-Modern» World. – N. Y.: Harper, 1996.

Duff 2013 – *Duff A.S.* Information Society Studies. – Abingdon: Routledge, 2013.

Europeans, 2002 – Europeans, science and technology. Eurobarometer 55.2 / European Commission. EUR 20181. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2002.

Karpov 2010 – *Karpov A.O.* Knowledge Society: A Weak Link // Herald of the Russian Academy of Sciences. – N. Y.: Pleiades Publishing, 2010. Vol. 80. № 4. P. 372–377.

Karpov 2015a – *Karpov A.O.* Formation of the Modern Concept of Research Education: from New Age to a Knowledge Society // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Elsevier, 2015. Vol. 214. P. 439–447.

2015b – *Karpov A.O.* The ancient episteme of activity as ontological horizon of modern education development // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Elsevier, 2015. Vol. 214. P. 448–456.

Karvalics 2010 – *Karvalics L.Z.* Information Society Dimensions. – Szeged: JATEPress, 2010.

Machlup 1972 – *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. – Princeton: Princeton University Press, 1972.

Machlup 2014 – *Machlup F.* *Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance.* Vol. 1: Knowledge and Knowledge Production. – Princeton: Princeton University Press, 2014.

Masuda 1983 – *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. – Washington: World Future Society, 1983.

Porat 1978 – *Porat M.U.* Global Implications of the Information Society // Journal of Communication. Hoboken (USA): John Wiley & Sons, 1978. Vol. 28. Issue 1. P. 70–80.

Stehr 1994 – *Stehr N.* Knowledge Societies. – L.: SAGE, 1994.

Towards ... 2005 – Towards knowledge societies. UNESCO world report. – Paris: UNESCO Publ., 2005.

Znaniiecki 1986 – *Znaniiecki F.* The Social Role of the Man of Knowledge. – New Brunswick and Oxford: Thansaction Publishers, 1986.

THE KNOWLEDGE SOCIETY: «KNOWLEDGE» VS «INFORMATION»

A.O. KARPOV

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Summary

Scientific knowledge plays a decisive role in the social and economic transformations of modern society. Separation of the “knowledge” concept from the “information” concept is now a necessary condition for the authenticity of social development study. The article deals with the problem of separating the notions of “knowledge” and “information” in the context of the knowledge society formation. On the basis of the analysis of works by F. Znaniiecky, P. Drucker, F. Machlup, T. Umesao, M. Porat, Y. Masuda, and a number of other authors as well as on the basis of the analysis of social reality in the second half of the 20th century, socio-historical reasons of the confusion of the “knowledge” and “information” concepts have been defined. The relations of confusing these concepts and the formation of the knowledge society and the information society are shown. A methodological approach to the separation of the “knowledge” and “information” concepts as different psychosocial constructors is formulated. Examples are provided and negative effects of confusing the concepts of “knowledge” and “information” are discussed.

Keywords: knowledge, information, society, science, education, thinking, technology, industry, worker, labor, computerization, economics, sign, epistemology.

Karpov, Alexander – D.Sc. in Philosophy, Ph.D. in Physics and Mathematics, Head of the Department at the Bauman Moscow State Technical University; Head of the Department, State Center “Interphysics”.

a.o.karpov@gmail.com

Citation: *KARPOV A.O.* (2017) The Knowledge Society: “Knowledge” vs “Information”. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 12, pp. 19-36.

REFERENCES

A Quarter of Americans Don't Know That the Earth Revolves Around the Sun. In: *RBC* [RBC]. Available at: <http://www.rbc.ru/society/16/02/2014/5704178c9a794761c0ce6a04> (in Russian).

Bekhman G. (2010) The Society of Knowledge – Transformation of Contemporary Societies. In: *The Concept of the "Society of Knowledge" in Contemporary Social Theory*. Institute of Scientific Information in Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 39-65 (in Russian).

Bechmann G., Gorokhov V., Stehr N. (2009) Introduction. *The Social Integration of Science: Institutional and Epistemological Aspects of the Transformation of Knowledge in Modern Society*. Sigma, Berlin.

Drucker P.F. (1969) *The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society*. Heinemann, London. Drucker P.F. (1993) *Post-Capitalist Society*. Harper Business, New York.

Drucker P.F. (1996) *Landmarks of Tomorrow. A Report on the New «Post-Modern» World*. Harper, New York.

Duff A.S. (2013) *Information Society Studies*. Routledge, Abingdon. *Europeans, Science and Technology. Eurobarometer 55.2* (2002) / European Commission. EUR 20181. Office for Official Publications of the European Communities, Luxembourg.

Gaponenko A.L., Orlova T.M. (2008) *Knowledge Management. How to turn knowledge into capital*. EXMO, Moscow (in Russian).

Karpov A.O. (2010) Knowledge Society: A Weak Link. In: *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Pleiades Publishing, New York. 2010. Vol. 80. No 4, pp. 372-377.

Karpov A.O. (2013) Ontologization, "Ontologization" and Education. In: *Voprosy filosofii*. 2013. Vol. 9, pp. 31-42 (in Russian).

Karpov A.O. (2014) Commodification of Education Versus Knowledge Society. In: *Vestnik Rossiiskoy Akademii nauk*. Nauka, Moscow. 2014. Vol. 84. No 5, pp. 434-440 (in Russian).

Karpov A.O. (2015) Basic Theoretical Concepts of the Knowledge Society. In: *Vestnik Rossiiskoy Akademii Nauk*. Nauka, Moscow. 2015. Vol. 85. No 9, pp. 812-820 (in Russian).

Karpov A.O. (2015) Formation of the Modern Concept of Research Education: From New Age to a Knowledge Society. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Elsevier, 2015. Vol. 214, pp. 439-447.

Karpov A.O. (2015) The Ancient Episteme of Activity as Ontological Horizon of Modern Education Development. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Elsevier, 2015. Vol. 214. pp. 448-456.

Karvalics L.Z. (2010) *Information Society Dimensions*. JATEPress, Szeged.

Machlup F. (1972) *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton University Press, Princeton.

Machlup F. (2014) *Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance*. Vol. 1: Knowledge and Knowledge Production. Princeton University Press, Princeton.

Masuda Y. (1983) *The Information Society as Post-Industrial Society*. World Future Society, Washington.

Porat M.U. (1978) Global Implications of the Information Society. In: *Journal of Communication*. John Wiley & Sons, Hoboken (USA). 1978. Vol. 28. Issue 1, pp. 70-80.

Stehr N. (1994) *Knowledge Societies*. SAGE, London.

Towards Knowledge Societies. UNESCO World Report (2005). UNESCO Publishing, Paris.

Umesao T. (1991) Comment on the Paper «Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry». In: *Information and Civilization. Collected works of Tadao Umesao*. Vol. 14. Chūō Kōronsha, Tokyo (in Japanese).

Umesao T. (1991) «Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry». In: *Information and Civilization. Collected works of Tadao Umesao*. Vol. 14. Chūō Kōronsha, Tokyo, pp. 25-42 (in Japanese).

Znaniecki F. (1986) *The Social Role of the Man of Knowledge*. Transaction Publishers, New Brunswick and Oxford.